

HELLO WORLD Совет прекратил дисциплинарное производство, указав, что адвокат, находясь в сложной ситуации, хотя и не в полной мере исполнил требования, содержащиеся в Разъяснении Совета, но совершил ряд необходимых и важных действий

20 ноября 2019 г. Совет прекратил дисциплинарное производство, указав, что адвокат, находясь в сложной ситуации, хотя и не в полной мере исполнил требования, содержащиеся в Разъяснении Совета, но совершил ряд необходимых и важных действий, направленных на соблюдение права обвиняемого пользоваться помощью выбранных им защитников, и в его действиях отсутствует вина в совершении дисциплинарного проступка.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 октября 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе Р. от 19 июня 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 9 октября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Р. и адвокат К., надлежащим образом извещенные о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явились.

...Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о прекращении дисциплинарного производства, однако считает необходимым изменить мотивировку, приведенную Комиссией в обоснование этого вывода.

Приходя к такому решению, Совет исходит из следующего.

Квалификационная комиссия правильно установила и описала в Заключении фактические обстоятельства проведения судебных заседаний М. городского суда 16 и 18 апреля 2019 г., а также действия адвоката К. в ходе судебного заседания 18 апреля 2019 г. по рассмотрению апелляционных жалоб защиты на постановление Б. районного суда города Москвы от 14 марта 2019 г., в соответствии с которым обвиняемым Р., Ю. и И. продлены сроки содержания под стражей. В частности, в защиту обвиняемого Р. с апелляционной жалобой обратился его защитник по соглашению, адвокат С.

В судебном заседании М. городского суда 16 апреля 2019 г. с целью выполнения требований уголовного-процессуального закона и рассмотрения замечаний обвиняемых И. и Ю. на протокол судебного заседания принято решение об отложении рассмотрения материала на 18 апреля 2019 г., в 11.00. Защитник обвиняемого Р., адвокат С., категорически возражал против назначения судебного заседания на указанную дату в связи с необходимостью его участия в ранее назначенном судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей в... городском суде М. области. О невозможности своего участия именно 18 апреля 2019 г., в дату, на которую было отложено судебное заседание, защитник обвиняемого Р., адвокат С., незамедлительно, с указанием уважительной причины, сообщил в судебном извещении и электронном письме, направленном по официальному электронному адресу М. городского суда... и просил отложить рассмотрение материала на любой день после 18 апреля 2019 г., приложив извещения... городского суда М. области о назначении судебных заседаний на 17 и 18 апреля 2019 г.

16 апреля 2019 г., в 17.34, судья М. городского суда А. разместила в АИС Адвокатской палаты города Москвы заявку на осуществление защиты Р. в М. городском суде в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. Указанную заявку принял адвокат К., которому адвокатской конторой №... Коллегии адвокатов «...» 17 апреля 2019 г. выдан ордер... на осуществление защиты Р. в М. городском суде.

17 апреля 2019 г. адвокат К. в М. городском суде ознакомился с материалом в отношении Р. и других обвиняемых.

18 апреля 2019 г. адвокат С. в судебное заседание М. городского суда по рассмотрению материала... в апелляционном порядке не явился по указанной выше уважительной причине. Адвокат К. явился в указанное судебное заседание и принял участие в нем в качестве назначенного защитника обвиняемого Р.

После объявления председательствующим состава суда, а также участников судебного разбирательства обвиняемый Р. заявил отвод председательствующему, мотивировав его тем, что: «Мы не просили назначать нам адвокатов в порядке ст. 51 УПК РФ». Адвокатом К. заявленный отвод поддержан. Постановлением суда в отводе председательствующему отказано.

После разъяснения председательствующим прав и обязанностей участникам процесса обвиняемый Р. попросил объявить перерыв для согласования позиции с адвокатом, назначенным в порядке ст. 51 УПК РФ, указав, что он не обращался с просьбой о назначении ему этого адвоката, что нарушает его права и обязанности. Заявленное Р. ходатайство адвокатом К. поддержано. Постановлением суда судебное заседание продолжено в прежнем составе.

Затем в судебном заседании был объявлен перерыв для ознакомления с постановлениями суда о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания, об отказе в восстановлении срока апелляционного обжалования обвиняемому И. и для консультаций обвиняемых с адвокатами.

В дальнейшем при рассмотрении вопроса об истребовании документа, на основании которого ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей трех обвиняемых рассматриваются в одном судебном заседании, обвиняемый Р. отказался выразить свое мнение. Адвокат К. оставил данный вопрос на усмотрение суда.

После этого обвиняемый Р. обратился с ходатайством об ознакомлении его с обращением о назначении ему защитника на основании ст. 51 УПК РФ и об отложении судебного разбирательства ввиду нарушения его права на защиту. Адвокат К. заявленное Р. ходатайство поддержал, указав, что у Р. имеется защитник – адвокат по соглашению, и Р. не выражал согласия на вступление в дело адвоката по назначению. Суд постановил отказать в удовлетворении заявленного Р. ходатайства, поскольку его адвокат был извещен надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, процессуальным законодательством предусмотрен сокращенный, трехдневный, срок для рассмотрения материалов о продлении срока содержания под стражей, и суд не вправе его нарушать.

В дальнейшем при рассмотрении различных процессуальных вопросов (об освобождении от участия в процессе защитников иных обвиняемых, назначенных в соответствии со ст. 51 УПК РФ, ввиду прибытия защитников-адвокатов по соглашению, об отложении рассмотрения дела, приобщении к материалу документов, предоставленных адвокатами иных обвиняемых, истребовании документов, о вызове свидетелей) обвиняемый Р. заявлял о невозможности высказать по ним свое мнение, так как он лишен права на защиту и, соответственно, лишен возможности участия в судебном заседании. Адвокат К. по вопросам о замене иных

защитников высказывался нейтрально, не возражал против ходатайств или оставлял их на усмотрение суда. Ходатайства об отложении рассмотрения материала по различным основаниям о приобщении документов, предоставленных иными адвокатами, адвокат К. поддерживал.

Заявленный впоследствии адвокатом И. отвод председательствующему обвиняемый Р. и адвокат К. поддержали.

После этого председательствующая судья проинформировала участников разбирательства о том, что адвокаты С., П., Г. и Г-в, извещенные надлежащим образом о дате, времени и месте судебного заседания, для участия в нем не явились, и повторно поставила на обсуждение вопрос о возможности рассмотрения апелляционных жалоб при такой явке. Обвиняемый Р. против рассмотрения жалоб возражал, указывая, что он не может реализовать свое право на защиту и выстроить «линию защиты», так как отсутствует его адвокат по соглашению. Адвокат К. позицию Р. поддержал.

На стадии судебного следствия после того, как судья... доложила материал, обвиняемый Р. заявил, что он не знает позицию своего адвоката, в связи с чем не может участвовать в судебном заседании и выразить свое мнение по обсуждаемым вопросам. Адвокат К. поддержал доводы апелляционных жалоб.

По вопросу о возможности рассмотрения апелляционных жалоб без повторной проверки материалов, которые были исследованы судом первой инстанции, адвокат К. сказал, что считает это возможным, а обвиняемый Р. заявил, что он лишен права на защиту и не может высказать свое мнение.

В судебных прениях обвиняемый Р. повторно заявил, что не обращался с просьбой о назначении ему защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, обратил внимание на то, что ему не была предоставлена возможность конфиденциального общения с адвокатом, так как при этом присутствовал секретарь судебного заседания. Свидетельские показания не подтверждают его причастности к совершению преступления. Обвиняемый Р. обратил внимание на то обстоятельство, что в отношении него материалы судом исследованы не были, он лишен права на защиту, просил отменить постановление суда первой инстанции. Адвокат К. в своей речи сослался на нарушение в отношении Р. конституционных норм и положений УПК РФ, указав, что постановление суда первой инстанции носит формальный характер, и отметил, что суд не исследовал часть материалов, которые могли повлиять на его выводы. Адвокат К. настаивал на отсутствии подтверждения того, что обвиняемый Р. может скрыться от следствия и суда, оказывать давление на свидетелей либо иным образом воспрепятствовать производству по делу, попросил принять во внимание те обстоятельства, что Р. является гражданином РФ, имеет семью, детей, не имеет недвижимости за границей,

просил постановление суда первой инстанции отменить как незаконное и необоснованное.

По результатам разбирательства судом апелляционной инстанции вынесено постановление об оставлении постановления Б. районного суда города Москвы от 14 марта 2019 г. без изменения.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в сложившейся ситуации, Совет прежде всего обращает внимание на то, что судья М. городского суда... не приняла заявленный обвиняемым Р. отказ от защитника, адвоката по назначению К., со ссылкой на положения п. 9, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», согласно которым в силу ч. 11 ст. 108, ч. 3 ст. 107, ч. 8 ст. 109 УПК РФ на постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста и о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста либо об отказе в этом в течение трех суток со дня их вынесения могут быть принесены в порядке, установленном ст. 389.3 УПК РФ, апелляционные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в тот же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции. С учетом сокращенных сроков рассмотрения апелляционных жалоб (представления) на решения по ходатайствам об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста либо о продлении срока ее действия участники уголовного судопроизводства должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания в срок, достаточный для обеспечения их участия в нем.

Квалификационная комиссия посчитала достаточным основанием для участия адвоката К. в качестве защитника обвиняемого Р. при рассмотрении судом апелляционной инстанции М. городского суда 18 апреля 2019 г. апелляционных жалоб на постановление Б. районного суда города Москвы о продлении срока содержания под стражей то обстоятельство, что председательствующим судьей... ходатайства обвиняемого Р. об отказе от защитника К. и обеспечении участия в судебном заседании адвоката С. были рассмотрены и дважды отклонены судом. Отказ в удовлетворении ходатайств обвиняемого Р. суд апелляционной инстанции также мотивировал сокращенным трехдневным сроком рассмотрения материалов о продлении срока содержания под стражей, не отрицая уважительности причин неявки адвоката С. в судебное заседание 18 апреля 2019 г.

Между тем в соответствии с Разъяснением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» «...защитнику по назначению, отказ от которого, заявленный в установленном законом порядке, не принят дознавателем, следователем или судом с вынесением соответствующего процессуального решения, при определении своей дальнейшей позиции

следует исходить из следующего. В соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и суда. Вместе с тем само по себе наличие у указанных субъектов уголовного судопроизводства права не принять отказ от защитника не означает, что они могут пользоваться этим правом произвольно либо в целях, не соответствующих конституционным требованиям и назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). В соответствии с требованиями ст. 11, 16, 243 УПК РФ, именно на орган или должностное лицо, осуществляющие от имени государства производство по уголовному делу, возложена обязанность обеспечить всем участникам судопроизводства реализацию их прав и законных интересов. Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 Постановления от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве” указал, что “Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц”. Указанное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости злоупотреблений правом на защиту, однако, ни в коей мере не означает, что другие участники судопроизводства, и в особенности те из них, которые осуществляют властные полномочия, могут злоупотреблять ими, тем более путем ущемления конституционного права на защиту. При этом в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Основываясь на этих требованиях закона и правовых позициях высших судов РФ, Европейского Суда по правам человека в их системном истолковании, Совет Адвокатской палаты города Москвы считает, что отказ от защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению может быть не принят дознавателем, следователем или судом лишь в том случае, когда процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Иными словами, непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу. Следовательно, продолжение участия в деле защитника по назначению при

наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может, как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих Разъяснений».

Председательствующий судья... свои протокольные постановления об отказе в удовлетворении ходатайств обвиняемого Р. об отказе от защитника К. мотивировала следующим образом:

«Отказать в удовлетворении ходатайства обвиняемого Р., принимая во внимание, что адвокаты в защиту обвиняемых были извещены надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, предусмотрены короткие сроки для рассмотрения ходатайства о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 3 суток, и суд не вправе их нарушать» (с. 6 протокола судебного заседания от 18 апреля 2019 г.);

«Рассмотреть апелляционные жалобы при данной явке участников процесса, принимая во внимание надлежащее извещение участников процесса о дате и времени судебного заседания. Согласно материалам дела апелляционные жалобы были направлены посредством почты всем участникам процесса. Кроме того, суд принимает во внимание установленные законом сроки для рассмотрения материалов о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 3 суток» (с. 12 протокола судебного заседания от 18 апреля 2019 г.).

Как следует из содержания указанных протокольных постановлений судьи, в них отсутствуют указания на поведение обвиняемого Р. и/или его защитника по соглашению, адвоката С., противоречащее требованиям закона либо представляющее собой злоупотребление правом на защиту. Отсутствуют в них и ссылки на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о попытках дезорганизации хода судебного заседания или его срыва со

стороны К. и/или его защитника по соглашению. Таким образом, в соответствии с Разъяснением Совета от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» приведенные выше протокольные постановления не могли как явно не соответствующие требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ рассматриваться в качестве достаточного основания продолжения участия в деле защитника по назначению, адвоката К., дублирующего защитника по соглашению, адвоката С. В этой ситуации правильным и полностью соответствующим интересам подзащитного профессиональным поведением адвоката К. было бы устранение от участия в деле в соответствии с пунктом 2 указанных выше Разъяснений.

Совет отмечает, что адвокат К. знал о добросовестном процессуальном поведении защитника по соглашению, адвоката С., который не только принял участие в первоначально назначенном судебном заседании М. городского суда 16 апреля 2019 г., но и незамедлительно сообщил о наличии явно уважительной причины невозможности явки в судебное заседание 18 апреля 2019 г. в связи с участием в ранее назначенном судебном заседании с участием присяжных заседателей. При этом он готов был участвовать в судебном заседании М. городского суда начиная с 19 апреля 2019 г. При таких обстоятельствах со всей очевидностью отсутствовали какие-либо признаки недобросовестного поведения защитника по соглашению и, тем более, злоупотребления им своими правами.

В свою очередь, адвокат К., ознакомившись с материалами 17 апреля 2019 г., также знал о том, что, согласно извещению Б. районного суда города Москвы от 5 апреля 2019 г. все дополнительные документы должны подаваться напрямую в М. городской суд в срок до 10 апреля 2019 г., поскольку «не позднее, чем за 7 дней до даты рассмотрения в суде апелляционной инстанции, дело будет передано в М. городской суд» (с. 38 материалов дела). Таким образом, материалы должны были поступить в М. городской суд не позднее 9 апреля 2019 г. Следовательно, согласно требованиям п. 9, 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» судебное заседание М. городского суда должно было состояться не позднее 12 апреля 2019 г. Несмотря на это, оно было впервые назначено только на 16 апреля 2019 г., то есть с нарушением трехсуточного срока, не говоря уже о том, что предметом обжалования было постановление суда первой инстанции, вынесенное 14 марта 2019 г., более месяца назад от даты первоначально назначенного судебного заседания суда апелляционной инстанции. При таких обстоятельствах мотивировка приведенных выше протокольных постановлений суда необходимостью соблюдения трехсуточного срока рассмотрения апелляционных жалоб на постановление о продлении срока содержания под стражей явно противоречит фактическим обстоятельствам движения материалов и, в частности, их поступления в М. городской суд и срока назначения судебного заседания. В связи с этим указание на соблюдение трехсуточного срока является лишь формальной

ссылкой на нормативное регулирование, сделанной без учета всех конкретных фактических обстоятельств.

Совет считает, что реализация конституционного права на защиту, неотъемлемой и основополагающей составной частью которого является право на свободный выбор защитника, имеет приоритет перед формальным соблюдением сроков рассмотрения материалов дел или уголовных дел. Это тем более верно, когда именно обвиняемый (подозреваемый), в интересах которого и установлен сокращенный срок рассмотрения апелляционной жалобы на продление срока содержания под стражей, обращается к суду с просьбой обеспечить реализацию права на защиту, понимая при этом, что данными действиями будут нарушены формальные процессуальные сроки.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокатом К. в сложившейся ситуации не в полной мере были исполнены требования, содержащиеся в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению».

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применение мер дисциплинарной ответственности возможно только тогда, когда адвокатом умышленно или по грубой неосторожности нарушены требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвокатов.

Между тем правильно установленные и указанные Квалификационной комиссией в Заключении фактические обстоятельства участия адвоката К. в судебном заседании М. городского суда 18 апреля 2019 г. свидетельствуют о том, что в его действиях отсутствовали умысел или грубая неосторожность, в том числе по отношению к ненадлежащему исполнению Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению». Совет отмечает, что сложившаяся ситуация представляла определенную сложность, при этом адвокат К. совершил ряд необходимых и значимых действий, направленных на соблюдение права обвиняемого Р. на свободный выбор защитника. Поведение адвоката К. в судебном заседании 18 апреля 2019 г. в целом свидетельствует о признании им приоритета прав доверителя и необходимости их защиты и не является недобросовестным.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что в действиях адвоката К. отсутствует вина в совершении дисциплинарного проступка, в связи с чем дисциплинарное производство в соответствующей части подлежит прекращению. Вместе с тем Совет обращает внимание адвоката К. на необходимость более тщательного анализа ситуации и неукоснительного соблюдения решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Совет также напоминает адвокату К. о том, что в сложной

этической ситуации адвокат вправе обратиться в Совет за разъяснением, в котором ему не может быть отказано.

В оставшейся части Совет полностью соглашается с Квалификационной комиссией в оценке установленных фактических обстоятельств и ее выводах. Так, Квалификационная комиссия дала правильную оценку доводу жалобы о том, что адвокат К. 17 апреля 2019 г. не ознакомился с материалами, и не нашла оснований для удовлетворения жалобы в этой части. Комиссией приведено исчерпывающее обоснование этого вывода, которое Совет разделяет.

Применительно к доводу жалобы о том, что адвокат К. не провел с обвиняемым Р. конфиденциальную беседу с целью обсуждения позиции по делу, Совет также соглашается с Квалификационной комиссией и отмечает, что согласно протоколу судебного заседания апелляционной инстанции М. городского суда от 18 апреля 2019 г. по просьбе обвиняемого Р. в начале судебного заседания, на стадии разъяснения участникам процесса их прав и обязанностей, объявлялся перерыв для согласования Р. позиции с адвокатом К. Впоследствии, после доведения судом до участников процесса информации о результатах рассмотрения судом первой инстанции замечаний обвиняемых Ю. и И. на протокол судебного заседания, судом также объявлялся перерыв, в том числе для консультаций обвиняемых с адвокатами. Таким образом, и это не оспаривается заявителем Р., беседа относительно позиции в судебном заседании адвокатом К. с ним была проведена, дополнительно Р. была предоставлена возможность получить консультации. В части довода о том, что беседа между адвокатом К. и обвиняемым Р. не носила конфиденциального характера, Квалификационная комиссия отмечает, что после вступления адвокатом К. 17 апреля 2019 г. в дело в качестве защитника обвиняемого Р. в суде апелляционной инстанции, учитывая назначенную дату судебного заседания 18 апреля 2019 г., возможность посетить обвиняемого Р. в следственном изоляторе, где тот находился, с целью проведения конфиденциальной беседы в следственном кабинете у адвоката К. отсутствовала. Общение посредством видео-конференц-связи с использованием аппаратуры, установленной в М. городском суде и следственном изоляторе, для адвоката К. по сути являлось единственно возможным способом проведения беседы с обвиняемым Р. Очевидно, что использование видеоконференции допускало возможность слышать разговор между обвиняемым Р. и адвокатом К. для лиц, находившихся в помещениях, где была установлена используемая для видеоконференции аппаратура, как в здании М. городского суда, так и в здании следственного изолятора. Однако учитывая фактическую невозможность иным образом обеспечить реализацию обвиняемым Р. права на общение с адвокатом К. иным способом, действия последнего по осуществлению беседы с обвиняемым Р. посредством видеоконференцсвязи не могут быть признаны упречными.

Довод заявителя Р. о «непроявлении» адвокатом К. никакой реакции на его заявления о непонимании причин участия адвоката К. в судебном заседании и незаявлении им после каждого такого заявления Р. ходатайств об объявлении перерыва Совет также отклоняет как несостоятельный. Причины, по которым адвокат К. участвует в судебном заседании, были доведены до сведения обвиняемого Р. судьей при рассмотрении заявленных Р. ходатайств об отказе от защитника, адвоката по назначению К., и обеспечении участия защитника, адвоката по соглашению С. На основании изложенного Совет рассматривает заявления обвиняемого Р. о непонимании им оснований участия адвоката К. в судебном заседании как способ выражения своего несогласия с таким участием. Соответствующее ходатайство обвиняемым Р. было заявлено, адвокатом К. поддержано и судом рассмотрено. Учитывая то, что, как указано выше, между адвокатом К. и обвиняемым Р. была проведена беседа относительно позиции в судебном заседании, непроведение адвокатом К. с обвиняемым Р. дополнительных консультаций относительно причин участия первого в судебном заседании упречным поведением не является. На этом основании в данной части дисциплинарных обвинений Совет не усматривает ненадлежащего исполнения адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем Р.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. не опровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.